

На следующее утро я проснулся с болезненной эрекцией. Член сильно натягивал мои боксеры, и я чувствовал, как упругая плоть чьей-то попki прижимается к моей промежности, и я изо всех сил старался не ткнуть в нее своим твердым стволom. Обеспокоенный тем, что это произошло во время сна, я медленно поднялся из груды тел, сразу почувствовав холод. Послышалось ворчание, и я почувствовал, как Миа переместилась обратно в теплое место, которое я только что покинул.

Заправив свой твердый член за пояс боксеров, я выскользнул из пещеры в прохладный предзвездный час. На горизонте только-только забрезжило, и красный с голубым рассвет словно перехватил мое дыхание, почти заставив забыть о моих сдерживаемых желаниях. Я услышал, что в пещере кто-то шевелится, и, не задерживаясь, чтобы посмотреть, кто может встать, я быстро направилась в джунгли. Мне нужно было в туалет, но были и более насущные проблемы.

Найдя широкий ствол дерева с небольшим углублением, я прислонилась к нему спиной. Моя рука, наконец, освободила своего болезного монстра между моих ног. Моя рука медленно скользила вверх и вниз по всей его длине, пока мой разум возвращался к мыслям о моих сестрах, их виду топлесс с предыдущего дня. Стыд был силен, но моя потребность была сильнее, когда я почувствовал, как мой член становится тверже в моей руке. Я несколько дней не кончал и знал, что это не займет у меня много времени. В этот момент я услышал удивленный вздох. Мои глаза распахнулись, и я увидел, что моя мачеха стоит рядом со мной, обогнув ствол дерева, ее глаза широко распахнуты и её взгляд устремлен на мой член, рот был закрыт руками.

— О боже! — сказал я, тут же прикрываясь рукой и чувствуя смущение чисто физически, так как я пытался вжаться в дерево и спрятаться. Мачеха поймала меня в первый раз, когда я пытался подрочить! Ну какого хрена!

— Ох, Джейсон, — сказала мама, когда ее шокированный взгляд смягчился, перейдя во стадию любви, — все в порядке.

— Мама, — оглянулся я, — Боже, мне так стыдно, пожалуйста, просто уйди!

Я отступал от нее или пытался отступить, вжимаясь спиной в дерево.

— Шшш, шшш, шшш, — сказала она, подойдя ко мне и положив одну теплую руку на мое плечo. Она посмотрела на меня, и я была поражена её взглядом, полным любви и мягкого понимания.

— Я знаю, как тебе должно быть тяжело, и ты был таким храбрым, — ее слова были теплыми, когда она шагнула ко мне.

Я резко вдохнул, почувствовав, как ее теплое мягкое тело прижалось к моему.

— Ты вырос в такого красивого и замечательного мужчину, — ее слова были почти шепотом, — Позволь мне помочь тебе, позволь мне позаботиться о тебе.

Я практически выпрыгнул из своей кожи, когда почувствовал, как ее маленькие прохладные пальчики скользнули по моему упругому животу вниз и под мои руки, где они накрыли мой твердый член.

— Мама... что ты делаешь? — я повернулся к ней, мой голос звучал так же ошеломленно, как и я сам: — О... боже!

Я застонал, когда ее пальцы заскользили по стволу моего члена, излучая удовольствие, от того, что она обхватила мой член.

— Тише, малыш, — сказала мама, ее губы были прямо у моего уха, — позволь маме позаботиться о тебе. Ты спас мне жизнь, малыш... мама просто хочет сделать тебя счастливым... пожалуйста, Джейсон.

Я повернул голову к ней, мои глаза искали её глаза в утреннем свете. Увидев в них только любовь и надежду, я слегка кивнул, и когда ее рука начала скользить по стволу моего члена, я обхватил ее за талию, притягивая ее нежное тело к себе. Мама посмотрела вниз на свою руку, и я проследил за ее взглядом. Ее большие груди покачивались под рваной рубашкой при каждом движении ее маленькой ручки по моему отвердевшему стволу. Моя рука скользнула вниз к ее попке, и она еще крепче прижалась к моему боку, а рука заработала еще быстрее.

— Поторопись, малыш, — прошептала она, — пока твои сестры не встали и не нашли нас... Господи, твой член великолепен, Джейсон... Я чувствую, как он пульсирует.

— Мама, — вздохнул я, — я...

— Кончи для меня, малыш, кончи для меня, Джейсон!

Глаза мамы расширились от желания и радости, когда первые струйки моей спермы вырвались из моего члена на землю джунглей, ее рука продолжала гладить, пока струйка за струйкой вырывалась наружу, и я застонал от удовольствия от самого большого оргазма в моей жизни, до этого момента.

— Боже, это было так мощно! — сказала мама, рассеянно вытирая руку о рубашку и глядя на меня, — Тебе, наверное, это было необходимо.

— Мама, — сказал я, глядя на нее, мой рот беззвучно работал, пока я пытался найти слова благодарности или как сказать ей, что это только что значило для меня. Прежде чем я успел заговорить, мама наклонилась вперед и поцеловала меня в губы, или это должно было быть поцелуем. Как только ее губы встретились с моими, между нами проскочила искра чего-то, и

ее губы смягчились, прильнув к моим. Из ее горла и моего вырвался стон желания, но она отстранилась с прерывистым дыханием, наши глаза распахнулись в унисон, когда мы смотрели друг на друга. Затем, закрыв рот рукой, она бросилась обратно из джунглей на пляж. Я никогда не забуду выражение ее лица, когда она оторвала взгляд от моего, — смесь похоти, любви и удивления, которая, должно быть, совпала с моими собственными чувствами.

Я постоял там в течение долгих минут, перебирая в уме все, что произошло. Изумляясь тому, что это было одной из моих самых больших фантазий на протяжении многих лет, и я получил возможность пережить ее здесь, в глуши, с нашими жизнями на кону. Покачивая головой от удивления, я вернулся на пляж и обнаружил, что мои сестры уже проснулись и планируют свой день. Я целый час раскалывал кокосы, чтобы нам всем было что поесть в течение дня, а потом помогал Мии и Оливии искать лозу, чтобы помочь Мии в плетении.

У нас была большая куча пальмовых веток, и мы вдвоем отрывали мелкие веточки и делили их пополам, как показала нам Миа. Она была в хорошем настроении, с удовольствием опробовала свои идеи и просто наслаждалась солнцем и песком. Она несколько раз сказала, что если бы здесь были дайкири и шезлонги, то это был бы идеальный отдых. Оливия, с другой стороны, была гораздо более сдержанной. По ее испуганным взглядам в сторону джунглей или океана при каждом громком звуке я понял, что она была морально травмирована нашим недавним опытом. Я старался вовлечь ее в наши разговоры, наблюдая, как расслабляются ее плечи и уходит тревога, когда она общается со мной и сестрой. Я обнаружил, что для ее комфорта наиболее полезно, когда для нее был разработан четкий план действий. Структурирование жизни, казалось, успокаивало ее.

Близился полдень, когда мама выбежала из пещеры, мы сначала забеспокоились, но потом увидели ее улыбающееся лицо, когда она выскользнула из тени скал.

— Дети, идемте скорее! Вы не поверите, что я нашла!

Ее голос прерывался от волнения, и я с удивлением увидел, что она вся мокрая, футболка прилипла к верхней части ее туловища, как вторая кожа, ее большие тяжелые груди и твердые соски проступали сквозь нее. Она оторвала штанины своих лосин, убрав рваные концы, и теперь они были больше похожи на шорты, чем на штаны. Повернувшись, она повела нас в пещеру и обратно к бассейну с соленой водой.

— Мое внимание привлек отблеск света там, внизу, — сказала она, указывая вниз.

Она была права, в задней правой части бассейна был небольшой проблеск света, и мама, широко улыбаясь, нырнула в бассейн и поплыла под водой в направлении тусклого света.

Мы со сводными сестрами посмотрели друг на друга и пожали плечами, потом нырнули вслед: сначала Миа, потом Оливия, а я решив быть последним, нырнула вслед за ними. Вода была теплой, и, открыв глаза, я почувствовал жжение соленой воды и ощутил рукой мягкое песчаное дно бассейна. За светом было легко следить, поскольку все остальное было темнотой, и по мере того, как я приближался, чувствуя спазм в легких, по обе стороны от меня появились

лавовые скалы, и свет усилился. Затем скальные стены исчезли, и я всплыл на поверхность, чтобы очутиться в небольшой лагуне с возвышающимися вокруг скалами, покрытыми темно-зеленой растительностью, растущей на небольших выступах по всей поверхности скал. Скальные стены сходились почти куполом, и только слабый свет полудня проникал сюда, наполняя лагуну солнечным светом. Лагуна представляла собой большой полумесяц чистого белого песка, плавно спускающийся к глубокому бассейну. На одном конце бассейна находился большой риф, переходящий через щель в огромное море.

— Это рай..., — вздохнула Оливия, пробираясь по мягкому песку и проводя пальцами по теплой прозрачной воде.

— Это нечто большее, — сказала моя мачеха, указывая на бассейн, — у дна этого рифа кормятся большие белые рыбы, возможно, мы сможем их поймать.

— Проткнём их копьём, — сказал я, оглядывая окрестности, — Держу пари, что проткнуть их копьём будет проще, или, по крайней мере, для очень сильного пловца.

— Я могла бы это сделать, — сказала Оливия, оглядывая лагуну.

Мамины глаза прищурились, как будто она могла что-то сказать, но я жестом руки приказал ей не двигаться. На лице Оливии, когда она вошла в лагуну, появилось ощущение мира и спокойствия, которое согрело мое сердце. Когда она повернулась ко мне, на её лице отразилась решимость, я же улыбался ей и кивал: — Я смогу, если... если ты научишь меня.

— Научу, — кивнул я. — Мы можем сделать тебе копьё сегодня вечером, с которым ты сможешь по крайней мере практиковаться.

Ее ответная улыбка была так полна цели и надежды, что я понял: это было правильное решение. Я все еще сомневался в том, что она сможет научиться и хорошо справиться с трудной задачей, и еще больше сомневался в своей способности научить ее тому, о чем я только читал. Если не считать всего остального, это дало ей новую цель, которую, как я теперь понимал, Мия нашла в своём ткачестве, а я — в охоте.

— Джейсон, я хотела тебе кое-что показать, — сказала мама, выходя из бассейна и направляясь к трещине в задней части лагуны, она остановилась перед большим валуном, который был разбит в результате падения. Там было несколько больших кусков разбитой черной породы с маленькими круглыми камешками, усеивающими их разбитые поверхности. Я вопросительно посмотрел на нее, и она улыбнулась, подняв один из маленьких камешков и протянув его мне. Я взял его, пораженный его ледяной твердостью, и удивленно уставился на него.

— Боже мой, если мы когда-нибудь выберемся отсюда, мы будем богаты!

Я осмотрел небольшую кучку неограненных алмазов, нашел два кусочка с твердыми гранями и

положил их в карман, а остальные показал Мие и Оливии.

— Вот что я действительно хотела тебе показать, — сказала мама, протягивая руку назад, туда, где песок встречался с каменной стеной. Там росла зеленая земля, и когда я наклонился вперед, чтобы посмотреть, она подняла несколько ее частей, и я увидел, что это была толстая лоза. Продвигаясь вперед, я провел пальцами по тонкой, но крепкой лозе, ощущая её гибкость.

— Это будет полезно! — сказал я, пораженный открытием.

— Какая польза может быть от лозы? — спросила Миа, ее лицо исказилось от отвращения: — Это должно быть бриллианты на миллион долларов!

— Более чем, — сказал я небрежно, — эти лозы, сплетенные вместе, будут веревкой, которая будет удерживать твои плетения вместе, веревкой, которая удерживает острие копья на древке, и любым другим полезным инструментом, который мы можем сделать, когда у нас оно есть.

— О... — сказала Мия, переводя взгляд с алмазов, по большей части бесполезных в нашей нынешней ситуации, на зеленые лианы, на которые в обычном мире она даже дважды не взглянула бы. — Думаю, это очень полезно.

Вскоре мы уже рвали небольшие куски и собирали десятки ярдов тонких и крепких лоз. Их было легко очистить от листвы, а Мия оказалась искусной мастерицей, сплетая пряди лозы вместе. Я пошел в джунгли с Оливией, мы нашли небольшую заросль бамбука и с помощью ручного топорика срубили высокий шест. Затем я расщепил его вдоль на дюжину или около того длинных кусков, которые затем привязал к другому прямому бамбуковому шесту и поставил сушиться у костра.

<http://erolate.com/book/2072/58197>